

Дзюнко Като

ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫЕ СВЯЗИ В МИРЕ ДОСТОЕВСКОГО В СОПОСТАВЛЕНИИ С ЯПОНСКИМ ПОНЯТИЕМ «ЭН»

Тема «Человек и мир» у Достоевского, проблема коммуникации неоднократно была исследована. Но многое всё же в этой области ещё остаётся неясным, загадочным. Современная психология тоже рассматривает некоторые аспекты этой темы, например: 1) отношения человека со своим внутренним миром, 2) проблемы коммуникации человека с «чужими». Интересно было бы проследить, как некоторые загадки таинственной человеческой природы решает Ф.М. Достоевский.

Многие исследователи, в том числе М.М. Бахтин, рассматривали вопрос: в чём своеобразии модели мира, которую представил нам Достоевский.

Непостижимая причинно-следственная связь между словами героев и событиями в мире Достоевского привлекала внимание японских исследователей и переводчиков. В данной статье рассматривается эта причинно-следственная связь у Достоевского в сопоставлении с японским понятием «эн» (связь). Особое внимание здесь будет уделено таким понятиям, как внутренний голос героя, «соприкосновение с мирами иными», а также басне «Луковка» в романе «Братья Карамазовы».

1. Точка зрения японских исследователей: понятие «эн»¹

В романах Достоевского мы можем увидеть аналог отношения, называемого в японской культуре «эн». Об этом писал Аримаса Мори в своей работе о Достоевском². Он обратил внимание на соотношение «внешнего повода (ки-эн)» и «внутренней актуальности» в образе Раскольникова.

Вслед за ним Кэйити Сакута отмечал, что Достоевский показывает нам «людей, связанных косвенными причинами (эн)», т. е. «незримой связью (эн)». Он считал незримую связь «центром» в мире Достоевского³.

Японское понятие «эн» имеет несколько значений. Корень слова «эн» присутствует и в словах «ин-нэн», «энги» и «ки-эн». «Эн» для японцев не редкое слово. В настоящее время японцы тоже часто употребляют его. Поэтому сначала нам нужно прояснить суть этих слов, уточнить их значение и дать определение некоторым понятиям, употребленным в данной статье.

Эн (1): «связь людей»⁴. Чаще всего «эн» употребляется в этом смысле.

Эн (2): «косвенные причины» [pratuaua], «извне помогающие непосредственным причинам (ин) [hetu], которые ведут к следствиям»⁵.

Ин-нэн: 1) «предопределённая судьба», 2) «причина»⁶.

Энги (1): «примета счастливого и злоеющего»⁷. Обычно «энги» употребляется в этом смысле.

Энги (2): «Причинно-следственные связи в природе и в бытии человека». «Обретение человеком счастья как следствия доброго поступка и мучения как результата дурных действий» тоже «энги»⁸. Причинно-следственные связи в «духовном действии» тоже включены в это понятие⁹.

Ки-эн: «повод», «(счастливый) случай»¹⁰. Это общий смысл.

Подобным образом слова «эн» и «энги» с самого начала употреблялись в буддийском учении. Однако к настоящему времени в их первоначальный смысл добавились переносные значения. В работах и статьях об общественной жизни и в исследованиях по иностранной литературе они тоже употребляются. В данной статье мы особенно обращаем внимание на три их аспекта: «эн», «ин-нэн» и «энги» (2). Здесь мы будем употреблять эти слова в следующем смысле.

А. Связь людей. Эн (1).

Б. Косвенные причины (скрытые причины), помогающие встрече людей и возникновению (неожиданного) события. Эн (2). Ин-нэн.

В. Причинно-следственная связь дум и поступков, в том числе «обретение человеком счастья как следствия доброго поступка и мучения как результата дурных действий». Энги (2).

Мне как японке, которая занимается Достоевским, особенно хотелось бы рассмотреть явление «связи с мирами иными» в сопоставлении с понятием «эн» в японской литературе. Это понятие наиболее ярко раскрывается в новелле Рюносукэ Акутагавы «Паутинка». Но об этом будет сказано в следующем разделе.

А здесь мы предлагаем обратить внимание на то, как можно интерпретировать это понятие, присутствующее, с нашей точки зрения, в некоторых произведениях Достоевского.

А. Связь людей.

Не только исследователи, но и переводчики тоже употребляют слово «эн» в своих переводах романов Достоевского на японский язык.

В «Хозяйке» Ордынов «до того был чужд тому миру, который кипел и грохотал кругом него, что даже не подумал удивиться своему странному ощущению» (1, 266)¹¹.

В «Преступлении и наказании» Раскольников говорит Соне, что он «там всё разорвал» (6, 252)¹².

В подчёркнутых местах японские переводчики употребляют слово «эн». Эти примеры являют нам характерные черты мира Достоевского. И в других эпизодах романов Достоевского мы можем заметить места, где внимание читателей обращается на внутреннее уединение. Рассмотрим конкретные примеры.

В «Преступлении и наказании» Раскольников «углубился в себя и уединился от всех» (6, 5). Он сам сознавал, «что мысли его порою мешаются и что он очень слаб» (6, 6).

В «Идиоте» по поводу признания Ипполита князь Мышкин вспомнил о «тоске». Ему вспомнилось, как «простирали он руки свои в эту светлую, бесконечную синеву и плакал», как его мучило «то, что всему этому он совсем чужой» (8, 351).

В «Вечном муже» Вельчанинову «с его мнительностью и тщеславием нельзя было вынести прежних знакомств» (9, 6).

Б. Косвенные причины (скрытые причины), помогающие встрече людей и возникновению (неожиданного) события.

В связи с этим значением сначала рассмотрим следующие варианты перевода.

В «Преступлении и наказании» Раскольников слышит голос мешанина: «Ты убивец» (6, 209), хотя мешанин не видел убийства. Свидригайлов намекает Раскольникову, что между ними есть «какая-то точка общая» (6, 219). Дальше Раскольников и Соня «странно» сошлись за чтением вечной книги (6, 251–252)¹³.

В «Идиоте» Лебедев говорит — «А коли высечешь, значит, и не отвергнешь! Секи! Высек, и тем самым запечатлед... А вот и приехали!» (8, 13)¹⁴. Дальше генерал Епанчин говорит князю Мышкину, что он никак не может «разглядеть» между ними «общего», «так сказать, причины» (8, 22)¹⁵. Князь Мышкин ответил ему, что очень часто только кажется, что нет «точек общих», а они очень есть (8, 24).

В указанных фразах переводчики употребляют слово «ин-нэн».

В. Причинно-следственная связь дум и поступков, в том числе «обретение человеком счастья как следствия доброго поступка и мучения как результата дурных действий».

В произведениях Достоевского мы можем нередко увидеть такое явление, где негативные мысли вызывают проклятые воспоминания или появление неприятных людей и мыслей.

В «Вечном муже» Вельчанинов вдруг вполне осмыслил причину своей тоски, сразу всё «разглядел» и понял. «— Это всё эта шляпа! — пробормотал он как бы вдохновенный, — единственно одна только эта проклятая круглая шляпа, с этим мерзким траурным крепом, всему причиною!» (9, 11)¹⁶.

В подчёркнутом месте переводчик употребляет слово «энги». И в других эпизодах романов Достоевского мы можем заметить места, где обращают внимание читателей на неслучайно возникшие воспоминания. Рассмотрим конкретные примеры этого.

В «Записках из подполья» герой («я») спрашивает о «причинах» и заключает, что «всякая первоначальная причина тотчас же тащит за собою другую, еще первоначальнее, и так далее в бесконечность» (5, 108)¹⁷. Он говорит: «Такова именно сущность всякого сознания и мышления» (5, 108).

В «Преступлении и наказании» Раскольников стал «суеверен» и во всём деле наклонен был «видеть некоторую как бы странность, таинственность, как будто присутствие каких-то особых влияний и совпадений» (6, 52)¹⁸. После убийства «мрачное ощущение мучительного, бесконечного уединения и отчуждения вдруг сознательно сказались душе его» (6, 81). И потом за ним неотступно начнёт следовать Свидригайлов, как навязчивая мысль.

В «Вечном муже» одинокого Вельчанинова всё-таки «что-то влекло; было тут какое-то особое впечатление, и вследствие этого впечатления его влекло...» (9, 30)

Достоевский, начиная с ранних произведений, стал писать: 1) о проблемах персонажей в отношениях с другими людьми (о разрыве отношений, утрате общего языка или смысла жизни и т. д.), 2) о странной встрече героев с другими людьми (о встрече, которой они не ожидали, или — о встрече с людьми, с которыми у них мало общего и т. д.), 3) о скрытой причинно-следственной связи дум и поступков.

Понятие «эн», употреблённое японскими исследователями и переводчиками, открывает нам темы, которые Достоевский часто повторял в своих произведениях. Мы можем обозначить понятием «эн» отношения, существующие между героями, то, как они осуществляют коммуникацию с другими персонажами. «Эн» включает в себя «причину» действий, которая в основном состоит из прошлых воспоминаний или влияний слов других людей, имеющих схожие мысли. «Эн» в данном случае будет иметь смысл «причины». В мире Достоевского эти «причины» являются «памятью» или «общим». Мы можем считать «эн» одним из важных моментов в творчестве Достоевского.

Герои в мире Достоевского как будто уходят в себя, но на самом деле их связывают интимные внутренние отношения с другими. Им слышны: 1) или голоса как повторение своих прежних внутренних дум, 2) или голоса как откровения других людей. Приведу только один пример. Алёша возвращает Ивана от кошмара, прерывает диалог Ивана с чёртом и убеждает его: «не ты убил» (15, 87).

Герои Достоевского внутри себя имеют незримые отношения с думами «чужих», даже когда они хотят уединиться. Эти отношения непрерывны. Сознание героев постоянно связано с другими персонажами (Вельчанинова внутренне влечёт к Трусозкому, Ивана неосознанно тянет к чёрту и Смердякову). Их думы как будто спарены с думами «чужих» (мысли Раскольниковы связаны со словами незнакомых людей, говорящих об убийстве старухи)¹⁹. В таких случаях мы можем видеть действие загадочного внешнего повода (ки-эн).

В мире Достоевского нередко герои пробуют разорвать связь с голосами других измерений, то есть: 1) с голосами в себе, подавленными или намеренно забытыми, 2) с голосами других людей, действительно существующих вне их.

В «Братьях Карамазовых» Иван уйдёт от Алёши, отца, всей семьи Карамазовых. В соответствии с этим внутренним уходом его всё сильнее мучает голос чёрта, который повторяет его собственные прежние (безрассудные) мысли.

С.Л. Франк в своей статье «Легенда о Великом инквизиторе» (1934) касается взаимодействия «демонических явлений»²⁰. В работе «Непостижимое» (1939) он отмечает соотношение демонического явления и внешнего соприкосновения: «Это трансрациональное соотношение познается опытно в том, что — как это особенно убедительно показывает Достоевский — всюду, где человек пытается замкнуться от трансцендентной реальности, жить только в себе и из себя самого, силой своего субъективного произвола, он именно в силу этого гибнет, становясь рабом и игрушкой трансцендентных сил — именно темных, губительных сил»²¹.

Дальше Франк пишет об опасности разрыва отношений с внешним миром. «И притом именно в этом положении, в опыте рабства, подчиненности чуждым силам, с особенной болезненностью и жуткостью узнается чистая трансцендентность — сверхчеловечность и бесчеловечность — этих сил»²².

В «Братьях Карамазовых» голос чёрта стучит в голове Ивана, когда он пробует разорвать связь («эн») с внешним миром.

2. «Соприкосновение с мирами иными»²³

В «Идиоте» рассказчик высказывает опасение, что роман будет слишком длинным и, может быть, скучным. И, вправду, «голоса» самых разных персонажей делают роман Достоевского длинным. В нём важную роль играют не только главные герои, но и второстепенные персонажи. Само собой разумеется, что каждая реплика диалога привлекает к себе внимание. Но не менее важны для понимания романа и внутренние голоса, слова, не произносимые вслух: вспышки памяти, вещие сны, мысленное обращение к притчам или анекдотам и т. д. Подобные мысли и ассоциации неожиданно всплывают в сознании человека.

В «Братьях Карамазовых» Иван Карамазов мучается при встрече с чёртом. Иван считает чёрта «воплощением меня самого, только одной, впрочем, моей стороны... моих мыслей и чувств, только самых гадких и глупых» (15, 72). А чёрт говорит Ивану: «То есть, если хочешь, я одной с тобой философии, вот это будет справедливо. Je pense donc je suis, это я знаю наверно, остальное же всё, что кругом меня, все эти миры, Бог и даже сам сатана — всё это для меня не доказано, существует ли оно само по себе или есть только одна моя эманация, последовательное развитие моего я, существующего до времени и единолично...» (15, 77)

Ивана Карамазова захватывает голос чёрта (еще один свой голос), между тем как Алёшу Карамазова захватывают голос Грушеньки и память старца Зосимы. Не только думы Ивана и голос чёрта, но и думы Алёши и голоса Грушеньки и Зосимы тоже показывают сцепление дум как соотнесение «внешнего повода» и «внутренней актуальности».

В роман «Братья Карамазовы» включена рассказанная Грушеньке кухаркой Матреной басня «Луковка» — о том, как ангел-хранитель протянул с неба луковку для спасения бабе, тонувшей в огненном озере. Полифонизм романа «Братья Карамазовы» предполагает наличие в его составе не только голосов героев, но и текстов, относящихся к самым различным жанрам — в их числе поэма («Великий инквизитор» — кн. 5-я) и басня («Луковка» — кн. 7-я). До басни и после нее в размышлении о вещем сне Алёши встречается загадочное упоминание о «мирах иных»: «Многое на земле от нас скрыто, но взамен того даровано нам тайное сокровенное ощущение живой связи нашей с миром иным, с миром горним и высшим, да и корни наших мыслей и чувств не здесь, а в мирах иных» (14, 290).

В этом сне звучит голос старца Зосимы: «Я луковку подал, вот и я здесь. И многие здесь только по луковке подали, по одной только маленькой луковке...» (14, 327). Очнувшись, Алёша испытывает особое потрясение — душа его словно соприкоснулась с «мирами иными». Таким образом, рассказ Грушеньки (басня «Луковка»), учение Зосимы, сон Алёши объединяются некой связью, которую сам Достоевский назвал «соприкосновением» («чувством соприкосновения с таинственными мирами»).

Какое выражение эта связь находит в художественном мире Достоевского? Совершенно очевидно, что произведение Достоевского представляет собой не просто изображение двух контрастных миров — мир после смерти и этот мир, или рай и ад. В действительности, благодаря таланту Достоевского развёртывается и пристально рассматривается этот мир, земной мир, в каждый момент своего существования. Как верно замечает Роберт Бэлнеп, идея «связи с мирами иными» развивает-

ся в самой структуре романа²⁴, формируя грандиозную композицию, т. е. модель этого мира.

В своё время выражение «соприкосновение с иными мирами» использовал С.Л. Франк в своём сочинении «Непостижимое». Франк обращает внимание на то, что русский дух проникнут религиозностью²⁵. Здесь следует заметить, что интересы Франка лежат в области психологии и философии религии.

Мы улавливаем окружающую нас реальность так называемым «трезвым» сознанием, идущим от разума, рассудка. Однако временами происходят непонятные, загадочные события, вызывающие в душе человека изумление или восторг. Они служат неким «толчком», вызывают «священный трепет». Подобное душевное состояние Франк определяет как соприкосновение с иными мирами. Главным примером такого состояния Франк считает момент, когда человек молится. Франк говорит: «<...> мы испытываем прилив каких-то непонятных, сверхрациональных, благодатных сил, — блаженное “касание мирам иным”, силы которых таинственно властвуют над нашим земным бытием, над “здешним” миром, и проникают в нашу трезвую, будничную жизнь»²⁶.

Таким образом, «иные миры», по Франку, — скорее *«реальность, которая, по-видимому, лежит в каком-то совсем ином измерении бытия»*, чем «предметный, логически постижимый, сходный с нашим обычным окружением мир».

Это определение совпадает с поучением старца Зосимы: «да и корни наших мыслей и чувств не здесь, а в мирах иных» (14, 290).

В художественном мире Достоевского, именно когда у человека слабеет острота сознания, необходимая для будничной жизни, именно в этот момент в душе запечатляются разные воспоминания, мысли и события²⁷. В «Преступлении и наказании» Свидригайлов говорит о том, что «привидения» есть отрывки «других миров» (6, 221)²⁸.

В «Братьях Карамазовых» перед Иваном появляется чёрт. Иван вспомнит об одном анекдоте: «Анекдот этот так характерен, что я не мог его ниоткуда взять. Я его было забыл... но он мне припомнился теперь бессознательно — мне самому, а не ты рассказал! Как тысячи вещей припоминаются иногда бессознательно, даже когда казнить везут... во сне припомнился. Вот ты и есть этот сон! Ты сон и не существуешь!» (15, 79).

В этом романе «связь с иными мирами» ассоциируется с образом «мрак»:

— мгновение, когда человека посещают разрушительные мучительные мысли; — в этот момент он словно познаёт бесконечно противную и жуткую силу житейской суеты; — он чувствует, будто перед ним некий «двойник», «чёрт», «кошмар».

С другой стороны, «связь с иными мирами» проявляется между людьми, сопровождаемая «светом», вернее, «проблеском»:

— мгновение, когда к человеку приходит спасение, дающее ему силы и радость; — в этот момент человек словно познаёт связь между «собой» и «целым миром»; — он чувствует, будто ухватил «нити» других миров, услышал милый «голос» или «прорицание», т. е. удостоился откровения. Такое мгновение у Алёши Карамазова описывается следующим образом: «Как будто нити ото всех этих бесчисленных миров Божиих сошлись разом в душе его, и она вся трепетала, “соприкасаясь мирам иным”.<...> “Кто-то посетил мою душу в тот час”, — говорил он потом с твердою верой в слова свои...» (14, 328)

С.Л. Франк также обращает на это внимание: «Духовная реальность может, конечно, открываться нам или проникать в нас и одновременно в обеих этих формах или на обоих путях, и тогда мы испытываем борьбу в нас “светлых” и “темных” сил, наше сердце становится, как говорит Достоевский, “полем битвы” между “дьяволом” и Богом. <...> духовная реальность не есть для нас с однозначной очевидностью “я сам” — хотя она переживается в интимнейшей близости к “я”, как бы в глубине последнего и как-то сливается с ним в одно целое — и, с другой стороны, не носит на себе ясно выраженных черт “ты”, хотя она испытывается как “голос” во мне, как “призыв”, обращенный ко мне, и иногда сознается — по образу сократовского “демона” или “ангела-хранителя” — в форме чего-то “ты-образного”»²⁹.

Итак, необъяснимое событие, вызывающее у человека тревогу или изумление, порой сопровождается «голосами».

Подобные удивительные, необъяснимые для «будничного» разума явления происходят только мгновениями. Проходит мгновение, и персонажи снова оказываются втянутыми в водоворот будничных событий.

В «Братьях Карамазовых» можно найти такой пример: «Ракитин удивлялся на их восторженность и обидчиво злился, хотя и мог бы сообразить, что у обоих как раз сошлось всё, что могло потрясти их души так, как случается это нечасто в жизни» (14, 318).

Выражение Достоевского «сошлись разом в душе его» означает, что между двумя людьми (Алёшей и Грушенькой) неожиданно установилась связь, образованная цепью ассоциаций. Этот удивительный духовный резонанс не может быть объяснён логически или материальными причинами. По Достоевскому, это чудо, несущее в себе знак «иных многочисленных миров».

Алёша встретился с Грушенькой, выслушал от неё басню «Луковка» (14, 318–319). Потом после встречи с Грушенькой Алёша в вещем сне вспоминает о басне «Луковка». Эту «Луковку» сам Достоевский называл «басней» или «легендой» (30, 126). «Одна баба злющая-презлющая» подала нищенке луковку. После её смерти в огненном озере ангел-хранитель «протянул ей луковку». Ангел попробовал вытащить бабу из озера, за луковку, которую она держала в руке, но луковка не выдержала. Грехи бабу оказались слишком тяжелы. Сюжет «Луковки» — обретение человеком счастья как следствия доброго поступка и мучения как результата дурных действий (эгоизма).

Мы можем увидеть разные варианты подобной басни³⁰. Возможно ли указать источник басни или новеллы, использованных Достоевским и Акутагавой? Были ли это буддийские сказания? Видимо, достоверного ответа мы не найдем, но с уверенностью можно утверждать следующее: во-первых, в 1894 году в чикагском журнале «Открытая трибуна» («The Open Court») был напечатан рассказ «Карма» американского философа, исследователя по сравнительному изучению религий, Поля Кэйруса (Paul Cagus), частью которого была новелла «Паутинка» («The Spider-Web»), во-вторых, в 1899 году японский исследователь дзэн-буддизма Дайсэцу Судзуки перевел эту новеллу на японский язык. Перевод под названием «Колесико Кармы» был издан, поэтому Акутагава вполне мог ее прочитать. И, наконец, в России Лев Толстой был знаком с сочинением Поля Кэйруса, и также написал свое произведение под названием «Карма». Эти три факта уже установлены исследователями творче-

ства Акутагавы. Как бы то ни было, еще до издания рассказа «Карма» в 1880 году Достоевский выпустил «Братьев Карамазовых», куда была включена басня «Луковка»³¹.

В «Луковке» Достоевского баба в огненном озере прямо не просит небо, чтобы ей дали спасение. Только ангел-хранитель её стоял, думал, припоминал и сказал Богу, какая добродетель была у неё, и протянул ей ту самую луковку. А сама баба не постигает и не сознаёт это косвенное отношение: кто сказал о ней, откуда подали ей луковку. В этой басне мы тоже можем увидеть необъяснимые косвенные отношения между прошлым поступком и настоящим результатом и между самым человеком и «другими».

И эта басня (рассказанная кухаркой, потом Грушенькой), сон Алёши, учение Зосимы сливаются в памяти Алёши.

В «Братьях Карамазовых» учение старца Зосимы звучало так: «<...> да и корни наших мыслей и чувств не здесь, а в мирах иных. Вот почему и говорят философы, что сущности вещей нельзя постичь на земле» (14, 290).

Такое миропонимание можно усмотреть в словах Николая Кузанского, мистического мыслителя XV века. Кузанский пишет: «Недаром суть (quidditas) вещей, истина сущего, непостижима в своей чистоте, и, хоть философы ее разыскивают, никто не нашел ее как она есть»³².

В некое время открывается непонятная сторона жизни: как будто сознание людей и разные события где-то оказываются связаны как цепь. Однако человек всё-таки не может определить непосредственную причинно-следственную связь. Таким образом, в художественном мире Достоевского неясно обрисованы необъяснимые события.

В «Идиоте» подчёркивалась связь всех событий с совершенно «обыкновенными людьми», в этих событиях не участвующими непосредственно. И в «Братьях Карамазовых» есть фраза «связь с мирами иными».

Подобные примеры вообще характерны для общей структуры произведений Достоевского. Таким образом, становится ясно, как среди множества людей, включая совершенно обыкновенных, в их повседневной жизни встречаются и взаимодействуют в них самым странным образом сознательное и бессознательное.

В сознании этих людей вдруг появляется цепь разных мыслей, происходит *необъяснимое событие*, вызывающее в них трепет. Такие явления несут на себе печать многочисленных иных миров.

Для героев романов Достоевского характерна непрерывность памяти и мыслей. Автор показывает, как одно слово непрерывно рождает следующее слово в их необъяснимой связи, как неожиданно обнаруживается источник мысли и её разрешение в конкретной ситуации.

Таким образом, «необъяснимое» в романе Достоевского: 1) как соприкосновение сознательного и бессознательного в личности, 2) как «голос» в себе, или 3) как удивительные совпадения мыслей и чувств разных людей — коррелирует с некоторыми культурно-философскими концептами Востока, в том числе — с японским понятием «эн»³³.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В основе этой статьи лежит доклад, прочитанный на XII Симпозиуме Международного общества Достоевского (Женева, 1–6 сентября 2004 г.), а также доклад, сделанный на XXV Юбилейных Международных Достоевских чтениях «Достоевский и мировая культура» (Литературно-мемориальный музей Ф.М. Достоевского, СПб., 8–11 ноября 2000 г.).

² Мори изучал Декарта, Паскаля и Достоевского. См.: *Мори Аримаса*. Заметки о Достоевском // *Мори Аримаса*. Полн. собр. соч. Токио: Тикума-сёбо, 1978. С. 9; *Киносита Тоёфуса*. Диалог в мире Достоевского. Йокогама: Сэйбун-ся, 2002. С. 191–192.

³ Сакута был социологом (Киотского университета). См.: *Сакута Кэйити*. Мир Достоевского. Токио: Тикума-сёбо, 1988. С. 6.

⁴ См.: *Ко-дзи-эн* (Словарь японского языка) / Под ред. И. Синмура. Токио: Иванами-сётэн, 1998. С. 310.

⁵ См.: *Иванами буддийский словарь* / Под ред. Х. Накамура и др. Токио: Иванами-сётэн, 1999. С. 76; *Японско-английский буддийский словарь*. Токио: Дайто-сюппан-ся, 1984. С. 54. «A contributory cause, as distinct from a direct cause (*in*). For example, a plant is produced from a seed (*in*) and various contributory causes such as rain, soil, etc. (*en*)».

⁶ См.: *Ко-дзи-эн* (Словарь японского языка) / Под ред. И. Синмура. Токио: Иванами-сётэн, 1998. С. 211.

⁷ См.: там же. С. 313.

⁸ См.: *Кадзияма Ю., Уэяма Ш.* Логика пустоты («ку»): «чу-ган». (Буддийская Идея 3.) Токио: Кадокава-сётэн, 1998. С. 82.

⁹ См.: *Иванами буддийский словарь*. С. 77.

¹⁰ См.: *Ко-дзи-эн* (Словарь японского языка). С. 625.

¹¹ См.: Полн. собр. соч. Ф.М. Достоевского / Перевод Ф. Конума. Токио: Тикума-сёбо, 1991. Т. 1. С. 319.

¹² См.: *Достоевский Ф.М.* Преступление и наказание / Перевод С. Кудо. Токио: Синтё-ся, 1992. Т. 2. С. 95.

¹³ См.: там же. С. 94.

¹⁴ См.: *Достоевский Ф.М.* Идиот / Перевод Х. Кимура. Токио: Синтё-ся, 1989. Т. 1. С. 23.

¹⁵ См.: там же. С. 45.

¹⁶ См.: *Достоевский Ф.М.* Вечный муж / Перевод К. Тигуса. Токио: Синтё-ся, 2001. С. 17.

¹⁷ См.: *Игета Садайси*. Я, чужой, мир: проблема «сознания» у Достоевского. Токио: Сэйсин-ся, 1972. С. 164.

¹⁸ Вячеслав Иванов обращает внимание на уединенное положение в мире Достоевского и говорит о «совпадении обстоятельств, логика которых неотвратимо приводит к преступлению», как «толчок». См.: *Иванов Вяч.* Достоевский. Трагедия-миф-мистика // *Иванов Вяч.* Собр. соч. Брюссель, 1987. Т. 4. С. 496.

¹⁹ См.: *Иванов Вяч.* Достоевский. Трагедия-миф-мистика // Там же. С. 534.

²⁰ *Франк С.Л.* Легенда о Великом инквизиторе: статья // *О Великом инквизиторе: Достоевский и последующие*. М.: Молодая гвардия, 1991. С. 250.

²¹ *Франк С.Л.* Непостижимое // *Франк С.Л.* Сочинения. М.: Правда, 1990. С. 405.

²² Там же.

²³ См.: *Като Д.* «Соприкосновение с иными мирами» у Достоевского // *Бюллетень Японской ассоциации русистов*. 2001. № 33.

²⁴ См.: *Belknap Robert L.* The Structure of «The Brothers Karamazov». Evanston, Illinois: Northwestern University Press, 1989. P. 102.

²⁵ См.: *Лосский Н.О.* Характер русского народа. Посев, 1957. С. 13.

²⁶ *Франк С.Л.* Непостижимое. С. 192.

²⁷ Если воспользоваться определением Юнга, то это значит, что, когда у человека слабеет самосознание, из слоя бессознательного вдруг всплывают скрытые мысли.

²⁸ В письме (15 июня 1880) Достоевский пишет о соприкосновении с «другим миром, злых и враждебных человечеству духов» (30, 192). См.: *Ветловская В.Е.* Поэтика романа «Братья Карамазовы». Л.: Наука, 1977. С. 132.

²⁹ *Франк С.Л.* Непостижимое. С. 406–407.

³⁰ См.: *Туниманов В.А.* Одна луковка и две паутинки (Ф. Достоевский, Л. Толстой, Рюносукэ Акутагава) // *Acta Slavica Iaponica*. 1995. Т. 13. С. 186–187; Примечания к письмам Достоевского (30, 316).

³¹ Об этом см. в докладе: *Като Д.* «Связь с иными мирами» у Достоевского // *Slavonic Studies*. Sapporo: Hokkaido University, 2001. № 5–1.

³² *Кузанский Н.* Об ученом незнании. О предположениях. Сретенск: МЦИФИ, 2000. С. 7–8.

³³ Между буддизмом и Христианством в целом есть большая разница. Однако признано, например, то, что между идеей сутры «Кэгон», в которой рассматривается понятие «энги», и идеей Плотина (Plotinos) есть некоторые черты сходства. Об этом см.: *Накамура Хадзимэ.* Взаимодействие культур: Восток-Запад // *Накамура Хадзимэ.* Избр. соч. Т. 9. Токио: Сюдзю-ся, 1965. С. 220–228.